

В преддверии **ПРОБУЖДЕНИЯ** церкви ЕХБ

Некоторые из воспоминаний
председателя Совета церквей ЕХБ
Геннадия Константиновича
КРЮЧКОВА
о событиях, предворяющих
открытое служение
Инициативной группы по созыву
Чрезвычайного всесоюзного
съезда церкви ЕХБ

Г. К. Крючков в первые годы
пробуждения церкви ЕХБ

Юбилейный для нашего братства 2011 год несомненно памятный: 50 лет назад Господь пробудил церковь ЕХБ в нашей стране от мертвящего сна и повёл победной поступью путём независимого служения Ему! Руководить свободным во Христе народом Бог поручил Своему рабу — Геннадию Константиновичу КРЮЧКОВУ. 20 октября 2011 года ему исполнилось бы 85 лет.

Имея великие планы избавления, Господь ищет человека, чтобы совершить через него Своё славное дело: «Искал Я у них человека, который... стал бы предо Мною в проломе...» (Иез. 22, 30), а затем готовит его для осуществления Своих намерений в нужный для Него час.

«В это время родился Моисей...» (Д. Ап. 7, 20). В какое время? Время геноцида, когда вышло царское повеление истреблять иудейских мальчиков. Именно тогда Бог предусмотрел родиться тому, через которого Он избавит Свой народ. Это был скрытый Божий промысел, о котором никто видеть не мог.

Моисея в осмолённой корзинке подобрала в водах Нила дочь фараона. Спустя много времени, когда Моисей вырос, случилось, что он вышел к братьям своим, сынам Израилевым, и увидел тяжкие работы их и что египтянин бьёт еврея, и поразил обидчика. Моисей думал, что братья поймут, что Бог его рукой даёт им освобождение. Но они не поняли. «Кто тебя поставил судьёй над нами?» — услышал он отрезвляющий вопрос. Почему так произошло? Он не имел посланничества

и не был ещё готов к ответственному делу. Божий человек должен быть **совершен** и ко всякому доброму делу **приготовлен** (2 Тим. 3, 17).

Господь поместил Своего слугу на 40 лет в другую школу: «Моисей пас овец...» (Исх. 3, 1). Бог учил его истинному пастырству в Мадямской пустыне.

«Мерзость для Египтян всякий пастиух овец (Быт. 46, 34). На самое низкое место Бог поставил того, кого в неге воспитали в царских палатах, обучили всем тонкостям философской мудрости, военно-стратегическому искусству, дипломатии. Но для Божьего дела нужны другие знания. Господь повёл его в школу смирения. Моисей приобретал в пустыне терпение, веру, овладевал навыком пастырской заботы, учился полагать жизнь свою за овец, беречь их от опасности.

40-летний Моисей ждал Божьего посланничества 40 лет. Можно сказать, готовился всю жизнь (80 лет!) к тому судьбоносному моменту, когда, наделённый Божьими полномочиями, он явился пред фараоном: «Господь, Бог Евреев, послал меня сказать тебе: отпусти народ Мой...» (Исх. 7, 16). И каков результат? Если 40 лет назад к словам Моисея никто не прислушался: убил египтянина, закопал и больше ничего не смог сделать, то теперь по велению Божьему через Моисея вода превратилась в кровь по всей египетской земле; река воскишела жабами и они поползли по царским постелям и наполнили квашни фараоновой кухни. За словами верного Божьего слуги стоял Сам Бог,— вот что значит: «Я посылаю тебя!»

Проследивая жизнь избранных Господом, мы заметим, что Божий выбор падает на них не случайно. Эти люди обладают отличительной чертой: «...ревность по доме Твоем снедает меня» (Пс. 68, 10). Так Гедеон томился вопросом: «Отчего постигло нас все это?.. Ныне оставил нас Господь...» (Суд. 6, 13). Моисей при виде тяжких работ сынов Израилевых возгорелся духом принести им избавление. Бог ищет именно таких — ревнующих о Его славе, скорбящих и вздыхающих о всех мерзостях в народе (Иез. 9, 4), и употребляет их для Своего дела.

Мы радуемся славному юбилею братства, ибо невозможно не радоваться и не благодарить Господа. Он Тот же, что и в первые тысячелетия человечества. Для нас Его чудный промысел проявился в том, что осенью 1926 года, в пору нависшей беспросветной мглы, когда на съездах братства узаконили позиции сотрудничества церкви с государством, Бог по великой Своей любви благоволил дать жизнь тому, кого предызбрал для дела пробуждения в нашей стране. Тогда никто не мог предположить, что наметил в Своих планах Небесный Отец!

Придя в возраст, Геннадий Константинович не уклонился от Божьего призвания. Облечённый Божьей силой он 50 лет своего служения (включая пять лет исканий и молитв, предваряющих открытую работу Инициативной группы) сокрушал дьявольские твердыни, искоренял вековой грех сотрудничества церкви с государством и насаждал принципы независимого от мира служения.

Иногда распространяют мнение: «Зачем вспоминать имена? Только о Господе надо говорить». Вне сомнения, в первую очередь мы должны говорить о Боге, Который совершает великое

и чудное. Именно так поступал Геннадий Константинович, не написав о себе ни строчки за всю свою 80-летнюю жизнь! И всё потому, что всегда и во всём стремился возвеличить и прославить возлюбленного Господа. Он никогда не позволял в восхвалительных речах публично говорить о себе, о своей семье, о своей личной жизни.

Но есть и другая сторона этого вопроса: победа над Мадиянителями досталась израильским воинам именно после клича: «Меч Господа и Гедеона!» (Суд. 7, 18). Есть две крайности. Одна — без устали повторять: «Меч Гедеона! меч Гедеона!», воздавая почётность человеку; а вторая — провозглашать: «Меч Господа! меч Господа!» — и только. Гедеон действовал не сам, с ним был Господь: «Иди... Я посылаю тебя» (Суд. 6, 14), и всё это взаимосвязано. Поэтому нам велено не забывать тех, через кого Бог действовал, и подражать их вере.

Писание учит, чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом (1 Кор. 1, 28—29). Но человек является плотью пока жив. А когда умрёт, он уже не плоть, а прах. Праху хвалиться нечем. Геннадию Константиновичу хвалиться нечем — он у Господа. А нам надо, взирая на кончину верных Божьих мужей, радоваться, что они были с нами, и хвалиться их верой. Апостол Павел писал: «Хвалюсь вами...» (2 Кор. 7, 4; 9, 2). И мы должны величить Бога, Который на закате человеческой истории нашёл в нашей стране удобные Ему сосуды, через которых действовал Своей могущественной силой во славу Своего святого имени.

О том, как Бог трудился над Своим избранником, какие уроки преподавал, через какую суровую школу проводил, вы прочтёте ниже. Об этом Геннадий Константинович рассказывал сам. ■

О НАЧАЛЕ

Если говорить откровенно и предельно точно, то идея создания Инициативной группы по пробуждению народа Божьего была сокровенным делом между мной и Богом. В ответ на мои искания, скорбь, молитвы и рыдания Бог послал мне ясность с чего начинать и как делать (хотя я не собирался заниматься этим сам). Все мысли рождались от Духа Божьей благодати и в точности соответствовали Священному Писанию и здоровой логике. Все идеи были пропитаны духом братолюбия ко всем, даже к отступникам, — только бы исправить бедственное положение, в котором оказалась церковь.

Но что самое главное — все планы строились на безумной вере, как сказано в Писании: «Мы безумны Христа ради...» (1 Кор. 4, 10). Да, имея ум Христов (1 Кор. 2, 16), я верил в чудо! Вера всегда строится на чуде. Она не только рассчитывает на осуществление ожидаемого в будущем, но имеет уже сегодня уверенность в невидимом и сейчас реализует обещанное Богом (Евр. 11, 1). Ни на минуту не сомневаясь, я верил: Бог всемогущ! Если Его народ пройдет через покаяние и сделает так, как повелевает Святое Писание, Господь непременно пошлёт Свою милость и осуществит ожидаемое. У Бога никогда не было слабого периода, когда бы Он был не в состоянии повернуть ход истории в нужное Ему русло: будь то гонения, тяжёлые режимы или суровые правители. Эти рассуждения вытекали из слов Самого Христа.

* * *

Пробуждение церкви должно иметь прежде всего богословские предпосылки. Одно дело теоретически понимать непреложность Божественного обетования: «Се, Я с вами во все дни до скончания века» и совсем другое — обрести это Богоприсутствие, сделать его практическим достоянием в каждодневной жизни. Одно дело знать букву драгоценного обетования и совсем другое — проявлять на деле полное послушание этому ясному учению Иисуса Христа.

Особенность пробуждения, воздвигнутого Господом в нашем братстве, состоит в том, что оно началось с осознания отступления от истины руководящих работников духовного центра. Через Своё Слово, через Дух Святой Бог открывал мне, что им первым должно изменить своё отношение к Богу. Если же не освятились несущие служение во святилище, то некому предстоять перед Богом.

Внимая Слову Господнему, я видел эту часть войска, поставленную для осквернения святилища (Дан. 11, 31). Видел, как люди, обученные тонкостям военной стратегии, осквернили сердце действующих во святилище. Знал, что предстоятели пали, сознательно делая беззакония. Да, они не курили и не пили, но заражены были суммой мерзких грехов,

таких как предательство, сотрудничество с уполномоченными и КГБ. Они не имели водительства Божьего, утратили право предстоять перед Господом.

Пять лет (начиная с 1956 года) ушло на то, чтобы понять: почему церковь перестала быть церковью, отыскать причины, приведшие её к духовному падению, к бессилию. Вопросы громоздились один за другим: почему Божий народ оставлен на глумление миру? Почему оказался ограбленным? Кого винить в постигшем бедствии? И Господь через откровение указывал на грех, разобшивший церковь с Ним. Становилось ясно, что отношения с Богом прерваны систематическим пребыванием во грехе. И ещё было понятно, что Дух Святой живёт в отдельных душах в среде Божьего народа, но Его нет в руководящих служителях. Наша беда не в том, что мы гонимы сильными мира сего, а в том, что массовым тотальным предательством и сотрудничеством со спецслужбами Бог изгнан из церкви и бóльшая часть Божьего народа введена отступниками в заблуждение. Они не видели и не понимали глубины постигшего бедствия.

Я знал, что Бог жаждет обитать в среде Своего народа. Это Его первое и вожеленное желание. Но Он обитает в сердце тех, кто признаёт Его авторитет абсолютным и Его волю совершенной. «Вот на кого Я призрю,— говорит Господь: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим» (Ис. 66, 2). Бог не может руководить теми, кто сознательно делает беззакония. Слово Божье ясно говорит: «...лицо Господне **против** делающих зло...» (1 Петр. 3, 12).

Тогда моё сердце теснила забота: почему нет Бога в братстве? Если бы Он был, то жизнь церкви должна быть иной. Как мы вошли в этот исторический обман? Можно ли исправить ситуацию? Как вернуть Господа к наследию Божьему? Эта мысль поглощала меня всего. Я продолжал нести диаконское служение в церкви, был регентом, старался искренне ходить перед Богом, не соглашался на вербовку спецслужб. Мне было всего 30 лет. Господь звал меня, как некогда Самуила, а я считал себя молодым и медлил около пяти лет, вынашивая эту скорбь в душе, искал верных братьев постарше, поопытней.

Поэтому все основополагающие принципы зарождающегося духовного пробуждения — это результат не сиюминутного спонтанного порыва. Они были вымолены, выстраданы и получены от Господа. День за днём Он всё более открывал мне, что необходимо работать на внутрицерковных путях, искать вину прежде всего в себе, изменять не внешние обстоятельства, а через покаяние и внутренний суд восстановить прерванную связь с Богом. Для возобновления истинного служения Богу есть один путь: «Испытаем и исследуем пути свои, и обратимся к Господу. Вознесем сердце наше и руки наши к Богу, сущему на небесах» (Пл. Иер. 3, 40—41). Через покаяние, смирение и очищение Господь придёт к Своему народу и будет действовать Своей всепобеждающей силой, и тогда ни одно орудие, сделанное против святых, не будет

успешно (Ис. 54, 17). Все победы могут быть обеспечены только Богом!

Так в рассуждениях и молитвах накапливался дух веры. Но через какую форму внедрить эти мысли в Божий народ? Нельзя выходить на этот путь имея лишь дух обличительства. Нельзя просто объявить: «Мы мыслим иначе, чем ВСЕХБ, идите за нами!» — Это самозванство. Осудить грех можно только при общем Соборе всех служителей: и тех, кто отступил, но остаётся у власти, и тех, кто бодрствует. Прочитайте 15 главу Деяний Апостолов: «Собрались для рассмотрения сего дела...» (ст. 6). Есть такой прецедент в Слове Божьем? — Есть. Значит нужен такой Собор, нужен такой съезд. А как его собрать? — Через Инициативную группу (такая процедура была прописана в существовавшем тогда Законодательстве о религиозных культах). Следующий вопрос: кто может наделить её этими полномочиями? — Церковь. Значит, нужно изложить церкви назревшую проблему, сообщить, что руководящие служители духовного центра находятся в отступлении, и заручиться её согласием на дальнейшие действия. Так мы и поступили в Узловской церкви. Что же касается ВСЕХБ, то, как сказано об Иезавели: «Я дал ей время покаяться» (Откр. 2, 21) — следовало не обойти и их, предложив действовать совместно. Когда служители исправят свои пути, тогда и остальные покорятся Богу, пойдут путём освящения, и Он вернётся в среду сокрушающихся и поведёт их верным путём. Вот как это происходило, как постепенно Бог укреплял во мне мысль о необходимости проведения съезда. Такие представления сложились, примерно, к 1958 году. А потом начали теснить враги. Указ за Указом: 1957, 1958, 1959, 1960 годы — на верующих последовал очень жёсткий нажим со стороны властей. Стали массово закрывать общины, а для действующих общин издали «Положение ВСЕХБ» и «Инструктивное письмо старшим пресвитерам».

* * *

Наши богослужения с неизменным постоянством проходили в деревне Родкино в доме С. Д. Володина. Что только не предпринимали гонители, чтобы заставить нас не собираться! На одно из богослужений пришли: секретарь исполкома и представитель из горкома комсомола с милицией и дружинниками и пытались разогнать собрание. Мы единодушно всей церковью отстаивали наши богослужения и не подчинились, не разошлись по домам. Секретарь горкома комсомола написал жалобу на нас и отправил в КГБ. (Это происходило ещё до разоблачения культа личности.) Меня по повестке вызвали к начальнику КГБ. Пришёл. Сажу в коридоре. На моих глазах разыграли такую картину. Спросили:

— Как фамилия?

— Крючков.

— Хорошо. Посидите здесь.

Потом начальник начал бегать по кабинетам: то в один зайдёт,

то в другой. Двери полуоткрыты. Он кричит в телефонную трубку так чтобы я слышал: «Да, да, я тоже решил!.. Я согласен!.. Кончать надо, кончать раз и навсегда!» — предприняли такую психологическую атаку. (Тогда ещё действовал сталинский кодекс и можно было ожидать не только срока заключения, но и любого произвола.) Я спокойно сидел и слушал. Сердце наполнилось благостью: и моё время пришло отстаивать истинное служение Богу! В тот момент мне было всё равно, что сделают со мной: отправят ли в тюрьму или лишат жизни.

Наконец завели в кабинет:

— Фамилия ваша? Имя? Отчество?

Ответил.

— Хочу вот что сказать: вещь неприятная, но я должен сделать это по долгу службы — на вас поступила жалоба, что вы саботировали мероприятия советской власти, не подчинились требованиям работников милиции. Вы не прекратили свои моления. Я познакомлю вас с Уголовным Кодексом, чтобы вы знали, что такое саботаж (Зачитал.) Чем вы руководствовались, оказывая сопротивление властям? Объясните свои действия.

— Как служитель церкви я прежде всего руководствовался Библией...

Только я произнёс эту фразу, начальник резко встал и что есть силы ударил кулаком по столу. Коробка спичек (она была у него в руке) — вдребезги!

— Фанатик! Какая тут Библия?! Я вам Кодекс зачитал! Вы не имели права срывать работу советской власти! Не должны ей противодействовать!

Это заявление ещё больше утвердило, что на поставленный вопрос именно так нужно отвечать, потому что они не имеют права вторгаться в дела церкви, а мы как христиане не должны в делах веры руководствоваться Уголовным Кодексом.

— Как служитель я руководствовался только Библией...— вторично попытался пояснить я.

Он опять перешёл на крик:

— Какое у вас образование?

— Шесть классов.

— Вы понимаете, мне даже трудно с вами будет говорить. Шесть классов! И вы людям голову морочите! Я не считаю себя особо образованным, но я — инженер-металлург, а сейчас мне партия поручила эту работу (начальник КГБ). Вы видите, мы на разных языках говорим.

И опять к тому же:

— Так скажите, на каком основании вы действовали?

— Вы знаете, я сейчас предприму, наверное, уже третью попытку объяснить суть дела, но у вас нервы не выдерживают.

— Хорошо! — быстро сменил он настроение. — Я готов вас выслушать!

Пришлось вновь повторить, что я должен действовать на основании

Священного Писания. А он принялся объяснять мне, что наше государство борется за мир и прочие вещи. Я спросил:

— Почему вы не хотите дать верующим свободу? Что вредного они делают для государства?

— Не нужно нас учить! — прервал он. — Мы вас, баптистов, держим в кулаке,— и для убедительности сжал руку в кулак,— а вы всё равно множитесь, множитесь, множитесь! — жестами пальцев другой руки он попытался изобразить, как из крепко стиснутого кулака неудержимо ускользают верующие. — Что будет, если кулак хотя чуть-чуть разжать?!

— Ничего не будет! Государство станет только крепче и всё!

— Не морочьте нам голову! — делая ударение на каждое слово, продолжил начальник. — Весь вопрос — во власти! Кому она достанется? В Америке баптисты становятся президентами, в конгрессе законодательной инициативой ведают! Что мы будем делать, если дадим баптистам размножиться?! Вы потребуете места в парламенте и придёте к власти. Для чего тогда мы революцию делали?!

В кабинете висел большой лозунг: «Если народы мира возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца...»

— Все обусловлено словом «если»,— указал я на лозунг. — Мы с вами сейчас благополучны, но ни у вас, ни у меня нет гарантии, что над нами не пролетает вражеский самолет с атомной бомбой на борту, что им управляет не пьяный лётчик, что он не начнёт атаку, что наши не предпримут ответный удар и не развяжется атомная война даже по такому случаю. Вы уверены в психической состоятельности человека? Всё построено на «если»!

— Если мы все будем стремиться к миротворчеству, всё будет хорошо! — настаивал он.

— У вас есть гарантия, что вы сегодня дойдёте домой невредимым и не попадёте в аварию? И у меня её нет. Кем могут быть выданы эти гарантии? Есть Бог, Который знает и управляет абсолютно всем, и тот, кто надеется на Бога, молится Ему, тот спокоен в любой ситуации.

Во время второго вызова начальник КГБ, испытывая мою осведомлённость, завел речь о Мальгусе.

— Я забыл, какую он вывел теорию, вы не в курсе?

— Мальгузианство,— навёл я ему справку. — Он был священником и выдвинул теорию неизбежности войн.

— Оказывается, вы это хорошо знаете!

Потом он подвинул своё кресло ближе к моему, сел на его ручку и вполне искренне спросил:

— Вы знаете Устав партии?

— Знаю,— говорю.

— Даже Устав партии знаете, у-у-у! А программу?

— Знаком.

— А как вы считаете, вот если мы в соответствии с Уставом партии, без кривизн и всевозможных отступлений будем последовательно про-

водить в жизнь демократические принципы, борясь за права человека, мы что, не попадём в рай и будем в аду и Бог будет нас судить?

— Непременно.

— Почему? Что плохого в нашей деятельности?

— Даже по вашей теории нет застывших общественных формаций. Всё движется, всё изменяется и переходит из простого в более сложное. В марксистской теории есть такой закон: отрицание отрицания. Что вы сегодня считаете верным и принимаете за норму жизни, завтра становится ненужным и отрицается. Важным становится что-то новое, и это новое признаётся обязательной к исполнению догмой. Сегодняшняя ваша теория, основанная на учении Маркса, ваша программа, ваш Устав завтра могут быть отрицаемы на всех уровнях. На учение Маркса будут смотреть как на отжившие теории Платона, Сократа, Эпикура и других философов. У Бога есть одна универсальная, хорошо понимаемая всеми истина. Она является нормой справедливости в общечеловеческом плане: «...не делать другим того, чего себе не хотите...» (Д. Ап. 15, 29). Эта универсальная формула несёт людям, даже если они дикари, спасительное сосуществование. В ней — верх справедливости, и каждый, к какой бы партии ни принадлежал, в душе отлично это понимает. Зачем же вы сегодня гоните и бросаете в тюрьму ни в чём неповинных людей, которые, следуя этой Божественной истине, не делают никому зла?

Он подсел вплотную ко мне:

— Знаете, я удивляюсь вашей логике! Вы посмотрите, слог-то у вас какой! А вы мне нравитесь! Это очень интересно, что вы говорите. Впрочем, ваши рассуждения, конечно, подходят больше для старушек... — пересел подальше и опять принял такое лицо, какое требовал офицерский мундир.

После хрущевских разоблачений культа личности стали сокращать некоторых работников КГБ. Эта участь постигла и его, он перешёл работать начальником стройуправления. При разгрузке железобетонных плит одна из них упала ему на ногу и раздробила всё. Он долго болел. Как-то вижу, он идёт к остановке автобуса, хромает. Думаю: мне бы в переулочек свернуть ещё до остановки. Неудобно встречаться, он почувствует неловкость. Скажет: сектант позлорадствует, вспомнит, как говорил: где гарантия?.. Смотрю, он тоже переулочек ищет и нашёл его раньше, чем я.

Потом я с ним в автобусе встречался. Народу битком. Спрашивает:

— Константинович, ты всё занимаешься своими делами?

— А как же?!

— Ну хорошо. Заходи, я слышал, ты на пианино играешь. У меня есть пианино. Заходи, дорогим гостем будешь. Вот здесь, — показал на дом, — второй подъезд, второй этаж, пятая квартира. У меня дочь играет. Ах, жаль-жаль, что такими делами занимаешься... (А сам довольно громко говорит в автобусе.) Мужик-то какой, а?! Мужик-то какой!

ЧЕТЫРЕ НЕСЧАСТЬЯ

Нам стало невмогуту собираться на одном месте, но мы говорили гонителям: «Не уйдем отсюда». Стоит один раз уйти — всё, уже утратим возможность собираться!

Помню, надо начинать собрание. Только мы вознамерились обсудить, кому, когда говорить слово,— тут появилось человек шесть милиции, дружинников! Спрашиваю:

— Братья, кто из вас готов к служению?

— Брат Геннадий, я готовил проповедь, но как в таких обстоятельствах? Ничего не смогу сказать.

Примерно так и другие высказались. Нет, они не боялись. Они готовы были идти на страдания, но как в таких условиях проповедовать? Я видел, что у кого-то просто мужества нехватает, другой в таких условиях не знает что сказать,— по-другому сложен человек, каждого Бог по своему ведёт.

Говорю: «Братья, нам же ни одно собрание нельзя позволить сорвать! Будем проводить, как Бог на сердце положит». Беру ответственность на себя, решительно вхожу в зал и, направляясь к столу (письменный стол служил нам кафедрой), в мыслях уже подбираю псалом, который хорошо всем знаком. Подхожу к столу и тут же призываю: «Братья и сёстры, помолимся!». Начнём молитвой богослужение,— и сразу начинаю вслух читать хорошо поющийся псалом:

«Дорогие минуты нам Бог даровал,
Мы увидели братьев, сестёр,
А Иисус дорогой с нами быть обещал,
Дадим Ему в сердце простор...»

Все начинают петь. Затем прочитаю слово, призову к молитве, все становятся на колени, молятся. Милиция, дружинники пытаются препятствовать — шум стоит. Собрание всё равно продолжается — идёт настоящая война. Старушки искренне молятся: «Господи, открой глаза этим тёмным людям, они света Твоего не знают...» А пришедшие кричат: «Чего вы расхлюпались, что вам власть плохая?!»

Только закончим молитву, все скажут «аминь», и если замешкаться, не сразу продолжить, непрощенные гости уже кричат: «Вы не имеете права собираться! Вы нарушаете законы!» и прочее. Это же борьба! Поэтому, как только скажут на последнюю молитву «аминь», немедленно призываю спеть: «Услышь мольбу и вздох души моей, Хочу Тебя, мой Бог, любить сильнее...»

Пение закончат, опять надо сказать небольшое назидание и без задержки предложить: «Встанем, будем молиться, преклонив колени».

Все опять склоняются для молитвы, а гонители остаются стоять, как свечи. Стали беспokoить Семена Давыдовича, хозяина дома.

— Володин, Володин, пойдём выйдем!

И начинают его таскать.

— Крючков, выйдем, поговорим.

Я стою. Если хоть раз выполнишь их повеление, когда идёт богослужение, значит подашь пример всем так поступать, а у гонителей появится желание систематически силой добиваться власти. Ни грамма не уступим! Они Володина Семён Давыдовича таскали-таскали, никак не могут поднять. А верующие стоят плотно, молятся, кто-то со слезами.

— А-а, расплакались! Москва слезам не верит! Нечего тут плакать, очки втирать!

Насмешки, глумления, выкрики не прекращаются.

Собираться под таким прессом стало невозможно. Тем более, что дружинники каждый раз приходили нетрезвые. Прежде чем идти в нашу церковь на погром, соберутся на поселке «9 мая», зайдут там в столовую, а им на культмассовые (то есть культурно-массовые) мероприятия выписывали деньги, рублей по 150—200. Напьются и идут. Для того чтобы бабушек толкать, нужна особая смелость. И милиция с ними. И так каждый раз. Мы уже взмолились: «Господи, помоги нам!..»

Прошло немного времени, и в одно из наступивших воскресений — сразу четыре несчастья постигло тех, кто был причастен к разгону наших собраний: три гроба и оставшийся без кистей рук милиционер. В те дни жена начальника дружинников попала вместе с сыном под поезд. Недалеко от поселка «9 мая» проходит железная дорога на Узловую, там есть мост через речушку, на нём всё и произошло. Потом хоронили ещё какого-то начальника, тоже имел отношение к этой «Дружине». Гонитель. И милиционер, который поднимал молящихся с колен: «Вставай, Москва слезам не верит!..» Пьяный, он упал с электрички, а морозы ночью стояли тридцатиградусные. Он долго пролежал в сугробе, и, как некто сказал, «на отмороженных кистях его рук уже не таял снег..» Так обе кисти и отняли в больнице. Он только одно там кричал: «Бог, больше не буду! Прости, больше не буду, Бог!» Стал работать объездчиком в колхозе (в Родкино). Положит поводья на обе культы и едет нередко мимо нашего молитвенного дома по каким-то своим делам.

Вот так, когда гонения стали совсем невыносимыми, Господь посетил их ударами. И тогда все в один голос заговорили: «Это, наверное, за то, что баптистов преследовали, мы их допекли, и Бог вступился за них». Сразу все разгоны богослужений приостановили. Возобновили их лишь когда усилили всеобщие репрессии.

* * *

Бог же ещё при начале движения открывал мне, что без Духа Святого, без Его силы ничто не придёт в движение. Он послал мне удивительное сновидение. Вижу в кусках породы заготовки больших, примерно с человеческую голову, различных драгоценных поделочных камней. Понимаю, что они должны быть автоматическими отшлифованы так, чтобы все грани играли светом. Автоматический красивый ста-

нок стоит тут же, все на нём точно подогнано — вставляя камень, нажми кнопку и он сам начнёт обрабатывать заготовки, после чего камни приобретут ещё бóльшую ценность. Понимаю, что это для меня первый в жизни пуск, из людей никого не вижу, но чувствую, что ответственность за все эти пусковые стенды лежит на мне, я должен их сдать. Подхожу к пусковому стенду, нажимаю кнопку, а техника молчит, не подаёт никаких признаков жизни. Рассуждаю в себе: это не потеря, я просто не сделал главное — не включил рубильник. А без тока никакая электрическая машина работать не будет.

Этот сон объяснил мне многое: без Духа Святого, без этой невидимой энергии, ничто не придёт в действие. На первый взгляд, есть всё: и заготовки драгоценных камней, и выкрашенные пусковые щиты, и лампочки сигнальные на месте, но автомат не начнёт работать, если не подключён к источнику тока, если рубильник не включён.

Я стал молиться и благодарить Бога, Который открывал мне не забывать главное — невидимой энергии. Всё зависит от Божьего присутствия! Об этом нужно заботиться прежде всего, к этому направлять всю работу в братстве.

А о том, что Бога нет в братстве я понял ещё в 1956 году, когда А. В. Карев, Генеральный секретарь ВСЕХБ, предлагал мне не бояться КГБ, а работать вместе с ними, убеждая, что без них мы ничего не сможем сделать. Привлекая меня к сотрудничеству с органами власти, он объяснял, что от меня требуется. «Допустим,— говорил он,— вы присутствуете на богослужении или на бракосочетании, или просто посетили кого-то из верующих и у вас с кем-либо состоялась беседа. В ней вы коснулись вопросов, которые власти считают недозволенными. Если вы не сообщите кто, что говорил, значит, вы не выполнили своих функций. Об этом сообщит кто-то другой, а вас за это уберут со служения. В нашем деле всякое мало-мальски заметное служение дьякона, регента — всё связано с обязательствами».

Я знал, что искренние верующие не доверяли служителям ВСЕХБ — Карпову А. Н., Орлову М. А, а Моторина И. И. подозревали более других. Мне хотелось узнать: есть ли среди них богобоязненные, кто уклонился от сотрудничества с внешними? Карев относился ко мне тепло и доверительно, по его приглашению я неоднократно приезжал из Узловой к нему на квартиру, он снабжал меня литературой (её у него было много). Это знакомство шло от моего отца, с которым Александр Васильевич был дружен ещё с молодости: они жили в Москве, принадлежали к одному Союзу евангельских христиан, в 30-е годы подверглись страданиям. Их дружба сохранилась и по прошествии десятилетий. Поэтому я рассчитывал на откровенность Карева и уточнил:

— Бывают такие нужды, когда хочется открыть душу и обсудить всё с кем-то сугубо доверительно. Кто из ваших служителей наиболее надёжный, к кому можно без опасений прийти за советом, откровенно поговорить?

— Вы знаете, дорогой брат, у нас все одинаковы! К любому можно обратиться, любой вас выслушает и даст совет.

Стало понятно: если бы большинство служителей были чисты от связи с внешними, Карев обязательно бы предупредил: избегайте того-то, старайтесь с сокровенным обратиться к такому-то служителю. Поскольку Александр Васильевич сказал «все одинаковы», было ясно: они все сотрудничают со спецслужбами. А это значит с ними нет Бога и братство, руководимое ими, не может быть водимо Богом, кроме отдельных душ.

Ничего не возразив, я вышел после беседы с встревоженным сердцем. За мной, как некогда за Израилем, вышедшим из Египта, сомкнулись воды Чёрного моря, которые разделили нас навеки. Для меня ВСЕХБ перестал существовать как духовный центр. Я ушёл оттуда как из горящего дома, понимая, что с этими служителями ни советоваться, ни вести духовной работы нельзя. Они на службе у безбожников и работать могут только против Бога. После этой беседы я ещё несколько раз посещал их собрания, но духовного общения с ними не имел совершенно.

Раньше, читая журнал «Братский вестник», я старался отыскивать в нём некоторого рода духовную пищу, а теперь, переосмыслив, понял, что в их журнале вообще грешно употреблять имя «Бог». Именем Божиим они прикрывали свои безбожные идеи: то экуменическое движение прославляют и вовлекают в него, то налаживают контакты с миротворческим движением и прочее и прочее, приправляя всё это проповедями о Боге. Я понял, что их журнал стоит вопреки истине, вопреки воле Божьей.

БИБЛЕЙСКИЕ КУРСЫ

Мой отец, Константин Павлович, был регентом в Московской церкви и сказал мне, что молодых перспективных братьев (М. Жидкова, И. Орлова, А. Кирюханцева, М. Мельника) ВСЕХБ намечает послать на библейские курсы за границу. Тут и А. В. Карев предложил мне написать автобиографию как возможному курсанту. Это было в 1956 году. Ясного ответа от Господа у меня не было: ехать мне на библейские курсы или нет?

В духе я рассуждал так: если я поеду обучаться с четырьмя студентами, то из всех сил буду стараться сблизиться с ними, постараюсь всей душой убеждать их поступать праведно. Думал, они увидят, что я готов за Господа пойти на смерть, и сами пожелают стойко подвизаться за истину, будут абсолютно верны Богу и, вернувшись с курсов, мы начнём работу с того, чтобы они полностью сбросили с себя завербованность и, преданно служа Богу, мы вернём Бога в братство. Но это была моя ошибка, от которой Господь, слыша мои молитвы, уберёт меня. Их духовной трагедии во всей полноте я тогда не мог увидеть, а Бог знал и видел их сердце. Он их отринул, потому что они сделали свой роковой выбор, когда

согласились на осведомительство. Бог знал, что они по предательству превзошли Иуду. Сколько бы я не убеждал, переделать их невозможно. Сам Бог не может заставить их быть праведными, и ни через меня, ни через кого другого не будет этого делать. Их участь страшная.

Примером служит Иуда. С ним всё происходило в соответствии с Писанием: «Ты это делал, и Я молчал, ты подумал, что Я такой же, как ты. Изобличу тебя, и представлю пред глаза твои грехи твои» (Пс. 49, 21). Христос не один раз давал ясно понять неверному ученику, какие он вынашивает планы, но Иуда не остановился до тех пор, пока в него не вселился сатана. И тогда Христос сказал ему: «Что делаешь, делай скорее» (Иоан. 49, 21). Иуда стал чужим человеком. Наступил необратимый процесс, после которого возврата нет. «За сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи». За что же? Что это «за сие»? — «...за то, что они не приняли любви истины для своего спасения» (2 Фес. 2, 10—11). Это одно наказание. А вот второе: «И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму...» (Рим. 1, 28). Виновен не Бог, а люди, исключаящие Бога из своего разума. И только после этого Бог предаёт их превратному уму. А если уж Бог предал превратному уму, то такой человек не может подвизаться за Бога. В таком случае, какой он и нам соратник?!

Бог никогда не нарушает принципов святости, принципов справедливости. Он знает состояние сердца каждого. «Я знаю,— говорит Господь,— что царь Египетский не позволит вам идти...» (Исх. 3, 19). Господь знал, что у фараона жестокое сердце, однако дал ему возможность проявить свою волю в конкретных делах. Семь раз фараон протестовал против Бога и ожесточался (Исх. 5, 2; 7: 13, 23; 8: 15, 19, 32; 9, 7). И когда фараон исчерпал Божью милость, отверг дело благодати, тогда Господь на законном основании ожесточил его сердце, то есть совершил высший суд ещё при его жизни. Господь имеет на это право.

Когда Анания с Сапфирой добровольно допустили сатане вложить в своё сердце мысль солгать Духу Святому, то возврата для них уже не осталось (Д. Ап. 5, 3).

Так Господь может поступить с каждым из нас. Иного христианина увещевают, вразумляют, окружают заботой,— всё предпримут, чтобы не потерять душу, а душа — недосыгаема для доброго влияния. В таком случае у нас должно быть духовное ведение, мы должны понять, что этот человек не ищет благодати Божьей, он отринул Бога не только в делах, но и в помыслах, и живёт как ему нравится. Особенно важно понять дух человека, которого избирают на служение. Для этого Бог даёт время и мудрость. И не советует: «Определяйте по интуиции, по духовному опыту, по таланту человека». Нет. Слово Божье говорит: «Таковых надобно прежде испытывать, потом, если беспорочны, допустить до служения» (1 Тим. 3, 10). Задача служителей понять: есть ли в человеке страх Божий или он — человек произвола? Водим ли он Духом Божиим или делает, что ему угодно. Не следует удивляться, что

такие христиане уверенно заявляют: «Мы Бога любим! Мы Бога знаем!» А Бог их не знает. Каждый из нас должен иметь свидетельство в себе, что угодил Богу (Евр. 11, 5).

Получить дефицитное духовное образование — дело важное, но кем я стану после этого? Где смогу трудиться? Решиться поехать на учёбу было не просто, и я стал молиться так, как до этого никогда не молился. Для меня это было как бы второе крещение.

Находился я тогда в Москве у отца. Он жил на Соколе в коммунальной квартире на три хозяина. Соседка, пожилая одинокая женщина, уехала в отпуск и разрешила пользоваться её комнатой. Отец мне предложил: «Комната большая, свободная, иди туда. Там переночуешь и напишешь свою биографию». Я воспользовался предложением. Комната — будто отдельная келья, даже стола не было. Вместо него — швейная машинка. В чужой комнате на швейной машинке я написал биографию. Стал молиться, содрогаясь внутренне от ответственности: «Господи, биографию-то я написал, но не знаю, что ожидает завтра, а Ты знаешь: нужно ли мне ехать за границу, смогу ли я после обучения принести пользу для Твоего дела в братстве? Я не хочу сам выбирать. Ты, Господи, скажи Своё слово».

ЧУДНОЕ БОЖЬЕ ОТКРОВЕНИЕ

Положил я свою биографию в папку, где лежали четыре биографии курсантов, по образцу которых я писал свою, и до сих пор не знаю: был ли это сон, или видение, или я находился в исступлении, но вижу на полке две коричневые книги, величиной, как обыкновенные справочники. На одной в качестве заголовка написана ссылка из Священного Писания: 2 Царств 2, а на второй: Петра 2 2. Ни запятых, ни точек между цифрами. И забыть написанное невозможно: четыре цифры «2». Стал расшифровывать для себя, что всё нужно читать по порядку. Открываю 2-ю Книгу Царств, 2-ю главу. Там описана молитва Давида после гибели Саула: «После сего Давид спросил Господа, говоря: иди ли мне в какой-либо из городов Иудиных? И сказал ему Господь: иди. И сказал Давид: куда иди? И сказал Он: в Хеврон». Значит, Бог не посылал Давида сразу в Иерусалим, а в Хеврон, в землю предков, где была похоронена Рахиль. Здесь Авраам купил себе пещеру.

Начинаю рассуждать, что значат эти слова в моей ситуации? Внутренне понимаю, что Господь посылает меня в братство, в родную землю, на родину предков, а не на учебу. Мне нужно оставаться здесь. Господь сказал Давиду: «Иди», но для него это было недостаточно. Он спросил, куда конкретно иди. И нам должно вопрошать и получать от Бога полную ясность.

Затем стал читать Петра 2 2. Не указано какое послание: первое или второе. Порядок подсказывает читать, как поступаем всегда, — начиная с первого Послания. Запятой нет, но в послании Апостола Петра нет

22 главы. Значит, читаю 2 главу, 2 стих: «Как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение». Спасение — главная цель нашей жизни. Как о нём узнать? — Через Слово Божье. Я понял это так: нужно возлюбить Библию без всяких библейских предметов. Надо любить чистое словесное молоко без богословских интерпретаций. И чтобы стать доктором богословия, достаточно одной Библии. Я был неопытен, и Господь послал мне эти два откровения. Гедеон тоже был неопытен, и Бог послал ему знамения. А в Слове Господнем — бездна богатства и премудрости! Только нужна полная покорность Ему, чтобы обогатиться этой мудростью.

«Мы имеем вернейшее пророческое слово,— пишет Апостол Пётр,— и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте...» И здесь конкретно поясняет: «Зная прежде всего то, что никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою» (2 Петр. 1, 19—20). Для многих христиан Библия — это книга, запечатанная семью печатями. Кто же открывает её и объясняет написанное? «Кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец, не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Лук. 10, 22). А Сын открывает глубину Своих откровений тому, кто полностью самоотрёкся и готов в послушании следовать за Ним, куда бы Он ни повёл.

Для меня эта молитва в чужой комнате и полученные от Господа откровения были не простым событием. На курсы я, конечно, не поехал, а А. В. Кареву передал после этого записку примерно такого содержания: «Думаю, что библейские курсы в пределах своей страны сыграли бы лучшую роль для братства, чем обучение за границей».

При ВСЕХБ был Международный отдел по связям с Западом. Им нужны были люди, способные изучать не богословие, а ряды христианских лидеров, их миротворческое настроение, расположение к социализму и прочее. Наши студенты должны были собирать и регулярно передавать агентам посольства все эти сведения. По их данным соответствующим порядком выстраивались списки церковников, с которыми можно было организовывать конференции, знать к кому приехать и через кого распространять нужное влияние на мировую общественность.

Я окончательно отказался ехать на первые библейские курсы за границу. Но это меня не беспокоило. курсы мне были уже не нужны. Было ясно: какое бы богословское образование студенты ни получили — всё равно Бога в братстве нет. Отступившие от истины служители вместе с КГБ ведут против Бога и церкви злейшую войну. Здесь постажировавшись, создав церковь нового, сатанинского типа, они по этому образу и подобию создавали церкви в соцстранах, а конечная их цель — распространить коммунистические идеи и охватить безбожием весь мир. Я приходил в ужас: не желая осудить этот грех, мы являемся активными участниками антихристовой похода,— вот где наша величайшая вина!

ВЕРБОВКА ЧЕРЕЗ ВОЕНКОМАТ

Я отдал биографию Кареву, и вскоре меня вызвали в КГБ через военкомат. Жене я сказал: «Наверное меня арестуют, так как я отказываюсь принять их предложение». (Тогда действовал ещё Сталинский Уголовный Кодекс и знаменитая 58 статья, и я не знал, как они со мной поступят.)

Надел фуражку, взял фуфайку и прибыл в военкомат. Сажу, ожидаю. Вышел человек. Представился: «Я из Комитета Госбезопасности. Следуйте за мной...» Меня вывели, посадили в машину и привезли в КГБ. Пригласили в кабинет. Там за главным столом сидел представительный, наделённый очевидным обаянием и располагающей внешностью, генерал из Москвы, а местные работники расположились за столами справа и слева. Велась запись. Генерал интересовался моими взглядами на некоторые церковные вопросы, моим отношением к государственной власти. Я понимал перед кем сажу и своими ответами не подавал никаких надежд, что со мной о чём-либо можно договориться.

— Вы человек со сложившимися взглядами. Но нам известно, что ваши церковные лидеры намерены в будущем продвигать вас на ответственные посты в церкви, а для этого хотят послать вас за рубеж получить богословское образование. Должен вам сказать, что беседой с вами я не рад. Скажу почему: в вашей будущей карьере вы делаете одну роковую ошибку — вы напрасно боитесь нас. Напрасно. Мы никогда не повредим ни церковному делу, ни вашей карьере. Но запомните: в вашем служении без нас вы не сделаете ни единого шага!

Он говорил примерно так, как и Александр Васильевич Карев, только другими словами. Я ответил:

— Направляясь в военкомат, я вполне сознавал, что могу не выйти отсюда, и был готов на всё,— видите, я даже одет в расчёте на тюрьму. Но не думайте, что у нас, христиан, притуплены чувства и погашены эмоции, что у нас нет любви к жёнам, привязанности к детям. Мы любим их, пожалуй, больше, чем другие. Но когда жизнь ставит нас перед выбором: Бог и спасение или свобода и личное благополучие, мы, не раздумывая, избираем самое важное: верность Богу во что бы то ни стало! Заботу о семье и о собственной жизни мы вверяем Его попечению. С такой внутренней готовностью я и пришёл сюда...

— Что вы! Что вы! — поторопился он мягко возразить. — Мы не собираемся вас разубеждать! Напрасно вы о нас так думаете...

НЕВЕРИЕ ПАВЛА АФАНАСЬЕВИЧА

1958 год. Поехали мы с Якименковым Павлом Афанасьевичем в Тулу, ведь это наша соседняя церковь. Пришли в дом Владыкина Николая Ивановича, но его не застали. А дом его ещё только строился, и с таким расчётом, чтобы в нём собрания проводить. Верующие помогали ему

в строительстве. (Кстати, по нашей просьбе и по нашему проекту через 10 лет в этом доме переделали крышу, когда строили «братскую комнату» для Совета церквей.)

По дороге к дому Николая Ивановича беседую с Павлом Афанасьевичем. Мне хотелось всегда всё делать сообща. Рассказываю ему, что положение гибельное, что ВСЕХБ не представляет Божьего народа, что его работники в согласии с властями ведут дело к полному разладу, разрушению церкви (это было за два года до выхода «Инструктивного письма»). Даже по простой логике: как мы можем считать, что за предателями остаётся право решать судьбы дела Божьего? Бог хочет присутствовать в Своём народе и совершать Своё дело, и будет делать, ибо Он — действующий Бог, Он — живой Бог. Но Он хочет это делать через тех людей, которые угодны Ему. Я тогда не себя выставлял, а желал только сделать то, что Бог полагал на сердце. Поделился с ним самым сокровенным:

— А что, если нам посредством съезда призвать весь народ Божий к бодрствованию, обратиться ко всем церквям?

— Знаешь, я с Колей Ермоловым говорил (брат из Ферганы, с которым он в дружбе был), и он мне рассказывал, как вышли из ВСЕХБ в Ташкенте, в Орджоникидзе, в Баку по причине столкновений с пресвитерами, которые кто в блуде был, кто с уполномоченным тесно связан. Конфликтовали, и общины разделились. Решили создать союз, но из этого ничего не получилось. В Ташкенте из 1000 вышло 700 человек, однако вскоре всё распалось. У них даже среди отделившихся была очень конфликтная ситуация. Храпов Н. П. в то время остался всего с несколькими членами церкви, 17 человек. Потом Храпова посадили. Так же обстояло дело в Орджоникидзе, Баку.

Впоследствии я выяснил. Оказалось, эти общины не могли и с места сдвинуться в создании какого-то союза, потому что совершенно не понимали атеизма и под каким контролем спецслужб находится церковь. Они прямо написали знакомым своим служителям, которые отделились: «Не собратся ли нам обсудить общую программу объединения?», в открытую вели переписку, что «мы должны съехаться». Кто же так делает? У них совершенно отсутствовало представление о конспирации. Если бы они сознавали, в какой действительности живут, то хотя бы втайне начали что-то делать. В лагере там всё понятней: колючая проволока, обыски, слежки, а здесь... всё на просмотре, всё насквозь продано! И прежде чем они съехались хоть на одно совещание, власти всё узнали, их письма сразу попали в КГБ, они передали их уполномоченным, а те — областным пресвитерам — они же у них доверенные. И пресвитера предупредили: «Вы собираетесь на съезд или что-то ещё думаете делать?» Пришлось телеграфировать друг другу, что всё стало известно, что уполномоченный уже знает, областные пресвитера знают. Так всё это и умерло, не родившись.

Спрашиваю: «Ну и как ты смотришь на моё предложение?» А он: «Да как? Думаю, что из этого ничего не выйдет. Что это даст?» —

«Может, просто отложить это до лучшего времени или вообще не заниматься?» — «Кто знает...»

По духу он считал всё правильным, разумным, но только не верил в возможность воплощения в жизнь.

ЗАМЕСТИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД

Уже потом, когда пошли настолько угнетённые гонения, что вокруг нас перестали собираться все церкви и весь нажим обрушился на нас, поскольку мы не прекращали собраний, я обратился к членскому собранию и разъяснил в общих чертах: «Да, нам сегодня хорошо, гостей прибавилось, собрание увеличилось, люди с окрестных мест едут к нам, но, если мы не позаботимся о других, долго не простоем в одиночку. Братья и сёстры,— говорил я верующим,— если мы небрежём о том, что другие не собираются на богослужения, и нам всё равно, как обстоят дела у них, то какие мы праведники? Мы — одно тело, о всех должны болеть. Когда-то они нам помогут, а сейчас мы должны им помочь. Надо вести какую-то общую работу».

На этом разумении Божьей воли строилось всё. И тут в мои руки попала газета со статьёй о подмосковной Гучковской общине (ныне Дедовская). Статья, разумеется, клеветническая, с нападками на их ревность по Боге. Даже адрес указали: Пушкинская, 14. Написанное подтолкнуло к мысли: «Если атеисты так негодуют, что и прессу подключили, значит церковь стойкая, бодрствующая. Нужно познакомиться. Гонения заставляют быть ближе друг к другу, вместе легче устоять».

С Павлом Афанасьевичем приехали в Дедовск. Пришли по указанному в газете адресу (дом принадлежал Смирновым). Попали на их церковный совет. Шёл 1960 год, за год до образования Инициативной группы. Я им все идеи о необходимости совместной работы передал, но они сильно насторожились. А я надеялся, что они как центр незарегистрированных общин (такими они себя считали) возьмут эту заботу на себя. Пресвитер у них был хороший, старец Исковский, а Борис Глебович Глебов с Ванифатием Михайловичем Ковальковым — были служители из старых баптистов (вскоре Ванифатий Михайлович ушёл во ВСЕХБ). И когда мы им предложили, что в гонениях надо объединиться, стоять друг за друга, собраться для обсуждения общих назревших проблем, эти маститые служители посоветовались между собой (без Исковского) и шарахнулись от нашего предложения, как от чумы: тут мол такое схлопочешь, ой-ой-ой! Тюрьмы не избежишь!

Что же сделали в это время молодые, услышав, какие мы предложили вопросы на церковном совете, а служители эту идею не приняли? Они сказали: «Это старшие не хотят, а мы — молодёжь — полны энергии», и созвали свой молодёжный съезд. Тогда они называли его Всесоюзным молодёжным совещанием. Собрались в доме Василия Феодосиевича Рыжука. На повестке дня вопросов 13—15. Председательствовал на

общении Пётр Васильевич Румачик. Мы с Павлом Афанасьевичем присутствовали в качестве гостей (единственные из всех рукоположенные пресвитера). Приехало человек 12 (с нами в том числе): Вениамин Мельничук из Киева, отработывающий после института в Горьком, Лида Черняева (сейчас Циорба) из Казани, какой-то Иосиф с пятидесятническим уклоном, четверо из Дедовска, Паласкова Люба из Ленинграда, Гармашёва из Ташкента. Она привезла стих Храпова, специально написанный им для этого общения. Сам он приехать не смог. Вскрыли конверт, и одна из сестёр торжественно прочитала:

Привет вам, Христово цветущее племя,
 Рождённое в бурях великой судьбой!
 Вас грозно встречает последнее время,
 Зовёт на последний решительный бой.

Повестка дня содержала такие вопросы: «Что может делать молодёжь сегодня? Во-первых, в церкви всегда есть пожилые сёстры — нужно пойти к ним, наколоть дрова или огород вскопать, в доме убрать. Или, если какие старички находятся при смерти, а у них остаются Библия, песенник, нужно, чтобы эти книги не попали неверующим родственникам, а вовремя взять, переплести, кому-то передать. Да свою кассу надо иметь для посещений» и другие подобные вопросы. Конечно, делать это всегда необходимо. Но я помыслил: «И это всё, что оставили для молодёжи?! Всё, чем она занимается из того главного, что поручено Господом?!» Моё сердце горело другим: призвать пресвитеров к покаянию, призвать их к ответственности за церковь, за судьбы Божьего дела. И здесь меня взял ужас, я понял, что даже и разьяснять ничего не стоит, разве расскажешь всё, чем душа переполнена? Тем более, что там я много не говорил. И вот мы отсидели день и ночь, а я плохо это переносил, у меня тогда нередко возникла жуткая головная боль, с питанием всегда было плохо, я постоянно был в поездках, в посещении верующих, и тут я почувствовал, что уже почти теряю сознание, сил нет, а ещё надо на работу успеть в Узловую, причём ездили мы всегда на личные деньги. Настало утро, рассвело, я совершенно обессилел и отчётливо понимал, что все поднятые вопросы далеки от того, чем наполнено моё сердце.

Когда всё закончилось, я подошёл к Петру Васильевичу: «Понимаете, хоть это совещание прошло, и вопросов ставили много, и проблем обсуждали много, но как-то всё это не то. Никто не понял, что съезд должен быть другой, что нужно созвать служителей Союза, следует менять всю ситуацию, которую только пресвитера могут изменить. Что молодёжь изменит?..» На это он ответил, что они решили сделать то, что в их силах, и всё. Я ещё не знал, что они провели это совещание фактически как заместительный съезд. Когда же ближе познакомился с ними, спросил: «А как возникла эта идея съезда?» Мне пояснили: «Мы так подумали: если наши старики не берутся, а мы всё-таки считаемся неким центром, то сделаем всё сами, проведём такой съезд...»

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции журнала «Вестник истины»	1
О начале	3
Четыре несчастья.....	9
Библейские курсы.....	12
Чудное Божье откровение.....	14
Вербовка через военкомат.....	16
Неверие Павла Афанасьевича.....	16
Заместительный съезд.....	18

20 октября 2011 г.